

Глава 2

Цзи Хуайчжэнь только ступил за порог покоев императрицы, как нос к носу столкнулся с государем.

Император, дряхлый и седой, ныне облачился не в драконье одеяние, а в даосское платье. В руках он сжимал метёлку-фучэнь, а одна нога его была боса. Слуги, семенившие следом, завидев Великого наставника, благоразумно замерли на расстоянии полёта стрелы.

Цзи Хуайчжэнь и не подумал склониться в поклоне. Окинув правителя бесцеремонным взглядом, он лишь усмехнулся.

— Ваше Величество, неужто вы разучились обуваться?

Тайфу стоял, скрестив руки на груди и явно забавляясь зрелищем. Стоило ему лишь пошевелить пальцами, как подскочивший слуга поднёс вторую туфлю государя. Цзи Хуайчжэнь лениво подобрал полы халата и, опустившись на одно колено, собственноручно обул императора. Поднявшись, он замер совсем рядом, склонив голову и внимательно изучая лицо старика. На губах его играла улыбка, но взгляд оставался острым и настороженным.

Под этим тяжёлым, почти пугающим взором государь задрожал и трусливо отвёл глаза.

Цзи Хуайчжэнь внезапно отвесил церемонный поклон.

— Похолодало. Проводите Его Величество в покои. Даос Чжан, задержитесь.

Один из сопровождающих, тот самый, что подавал туфлю, остался на месте. Дождавшись, пока свита скроется из виду, он, не дожидаясь расспросов, заговорил:

— Состояние Его Величества ныне стабильно, приступы случаются в строго определённое время. Рассудок туманится в час Собаки: государь грезит лишь о бессмертии да алхимических снадобьях. К часу Дракона сознание проясняется. Прежде он не помнил своего безумства, но в последние дни в памяти его начали всплывать обрывки ночных видений.

Цзи Хуайчжэнь стоял неподвижно, прикрыв глаза, словно погрузившись в раздумья. Лишь едва заметный кивок подтвердил, что информация принята.

— Удалось ли разузнать то, что я велел? Откуда пошли слухи?

— Из области Фэньчжоу, господин.

— Фэньчжоу?

Цзи Хуайчжэнь нахмурился и глухо выругался. Он не скрывал своего отвращения; сейчас он искренне жалел, что отослал Саньси — под горячую руку не подвернулось никого, кого можно было бы пнуть для облегчения души. Расшатывать же старые кости даоса Чжана не стоило. Мысленно велел себе набраться терпения, он отпустил человека взмахом руки.

Воспоминания о былых делах отравили настроение. Вернувшись домой, Цзи Хуайчжэнь рухнул в постель и проспал до полудня, пока его не разбудил осторожный голос Саньси: господина желал видеть заместитель министра налогов.

Хозяин дома даже глаз не открыл. Не поднимая головы от подушки, он высунул руку из-за полога и нащупал первый попавшийся предмет.

Саньси, наученный горьким опытом, мгновенно присел. Раздался звонкий треск: изысканная чернильница из жуской керамики разлетелась вдребезги о стену прямо над головой слуги. Юноша молча подал знак рукой, и расторопные помощники тут же подсунули на столик новую фарфоровую чашу для кистей — как раз под руку господину.

Занимавший высокий пост Великого наставника, господин Цзи люто ненавидел книжников и в гневе первым делом изничтожал всё, что было связано с письмом.

В тот день к дверям резиденции потянулись все, кто хоть сколько-нибудь радел за Третьего принца. Каждому было указано на порог. К утру следующего дня, когда Цзи Хуайчжэнь успел расколоть ещё три чаши и два нефритовых пресса, явился Лу Шии.

Словно предчувствуя этот визит, Тайфу откинул полог. Он уже был полностью одет и встретил гостя вызывающим, колючим взглядом.

Зрелище было поистине странным: двое мужчин, наделённых почти одинаковыми чертами лица, но бесконечно далёких по духу. Добро и зло, покой и порыв — они были как две стороны одного знака тайцзи: несовместимые, но неразрывно связанные. Цзи Хуайчжэнь был чуть выше, и сейчас, стоя на подножке кровати, он смотрел на Лу Шии с нескрываемым превосходством.

Не сводя с гостя глаз, он вдруг протянул руку и сорвал с пояса Лу Шии нефритовую подвеску. На камне был искусно вырезан карп с зазубриной у рта и хвостом, повернутым вправо. Цзи Хуайчжэнь принялся небрежно вертеть украшение в пальцах.

Лу Шии протянул руку:

— Отдай мне мой жетон.

— К чему такая спешка? Ответ сначала: всё улажено?

Собеседник покачал головой.

— Думаешь, я поверю? — Цзи Хуайчжэнь усмехнулся.

Они замерли в молчаливом противостоянии. Спустя мгновение Лу Шии тоже улыбнулся. Несмотря на сходство, улыбка Лу Шии согревала, словно весенний ветер, тогда как усмешка его визави заставляла холодеть от предчувствия беды.

— Можно сказать, что улажено. Тайные похороны без объявления траура. Подождём подходящего момента, чтобы объявить о кончине под благовидным предлогом.

Цзи Хуайчжэнь сразу понял, чья это была воля. Он пробовал эти слова на вкус, и его обострённое недоверие почуяло неладное, но ухватиться было не за что. Помолчав, он негромко назвал несколько имён.

— Все они были там в ту ночь. Наш Третий принц визжал, точно недорезанный боров, орал так, что поимел мой род до восемнадцатого колена. Мёртвого бы из могилы поднял своими воплями. Как ты собираешься хранить это в тайне?

Лу Шии понял намёк и промолчал. Все названные люди были из его окружения.

— Так вот зачем ты затеял то столпотворение у ворот? Чтобы избавиться от пары-тройки никчёмных людишек?

Цзи Хуайчжэнь шагнул ближе, глядя в упор:

— Какое мне дело до их жизней? Я просто хотел досадить тебе, отравить тебе существование. И что теперь? У самого рука не поднялась, так я помог. Не жалуйся Первому принцу — тот бы не стал размениваться на мелочи, а прикончил бы всех собственноручно.

Видя молчаливое бессилие Лу Шии, Цзи Хуайчжэнь ощутил прилив злобного торжества. Он выудил из-за пазухи свой поясной жетон и швырнул его собеседнику, точно кость бродячему псу.

Торговля солью и железом в Великой Ци была делом государственным, и три года назад семья Цзи прибрала её к рукам, превратив в источник немислимых богатств. Этот жетон был личным знаком Цзи Хуайчжэня; увидеть его — всё равно что увидеть самого Великого наставника. Как бы он ни враждовал с Лу Шии, он уезжал на полгода и обязан был оставить инструмент власти. Если в казне образуется брешь, империя рухнет сама собой, не дожидаясь набега варваров.

Перед уходом гость оставил императорский указ с пурпурной печатью, перевязанный кожаным шнурком.

К шнурку был прикреплен волчий клык. Цзи Хуайчжэнь долго вертел в руках «эту рухлядь», как он сам выразился, и лишь убедившись, что сможет завязать узел точно так же, осторожно вскрыл указ.

И тут же разразился площадной бранью.

Мало того, что свиток был обмотан шнуром с клыком, он был запечатан пурпурной глиной. Его следовало доставить в Чилэчуань в первоизданном виде и вручить великому кагану степных племён. Стоило печати повредиться — и варвары сразу поймут, что указ вскрывали.

Указ с пурпурной печатью — право лишь Сына Неба.

И как назло, эту редчайшую пурпурную глину добывали только в области Фэньчжоу.

Цзи Хуайчжэнь снова был готов крушить мебель.

Тяжело вздохнув, он велел Саньси готовить карету.

— Куда едем, господин?

— Домой... — нехотя бросил тот.

***

Резиденция семьи Цзи

***

Час Обезьяны

Экипаж остановился у ворот старой усадьбы. Цзи Хуайчжэнь, пребывая в дурном расположении духа, выбрался из кареты, наступив на спину коленопреклонённого Саньси так сильно, что тот едва не ткнулся носом в грязь. Встретивший его управляющий проводил гостя к главному дому. Ещё не переступив порог, Тайфу почувствовал густой запах лекарственных трав.

— Хозяин, — почтительно позвал управляющий у дверей, — он вернулся.

— Пусть войдёт...

Голос был слабым, безжизненным, в нём слышалось дыхание скорого конца. Поняв, что управляющий не собирается открывать дверь, Цзи Хуайчжэнь опустился на колени прямо на пороге. Он склонился, трижды ударив лбом о землю. Звуки ударов эхом разносились в тишине. Когда он поднял голову, на лбу уже наливался багровый кровоподтёк. Голос из комнаты велел ему встать, но он продолжал покорно стоять на коленях.

Управляющий удалился. Голоса отца и сына, разделённых дверью, вскоре утонули в шорохе бамбуковых листьев, колеблемых ветром во дворе.

***

Час Дракона

На следующее утро император очнулся от тяжёлого сна. Увидев подле себя сияющего даоса Чжана, он под присмотром императрицы проглотил очередную «золотую пилюлю». У входа в тронный зал чиновники, собравшиеся на утренний приём, испуганно переглядывались. В воздухе витало предчувствие грозы, и никто не смел нарушить гнетущую тишину праздными разговорами.

Спустя полчаса двор содрогнулся от невероятной вести: государь, всегда потакавший семье Цзи, внезапно обрушил свой гнев на господина Цзи Хуайчжэня из-за дела Третьего принца.

Почуввав перемену ветра, те, кто прежде таил обиду, осмелели. Жалобы и доносы посыпались как из рога изобилия. Утренняя аудиенция, обычно длившаяся час, растянулась на два. За это время в речах сановников Цзи Хуайчжэнь прошёл путь от почтенного вельможи до плешивого пса.

Злодеяния его были столь многочисленны, а дерзость столь велика, что ненависть в сердцах придворных закипела с новой силой. Казалось, дай им волю — и они толпой ворвутся в его резиденцию, чтобы растерзать ненавистного временщика.

Приблизилось время очередного приёма лекарств, и государю наскучило сидеть на троне. Одним небрежным взмахом руки он, словно забавляясь, велел заточить «этого пса Цзи» в его собственном доме, а осенью — казнить. Из уважения к чувствам императрицы имя их отца, Цзи Тинье, не было упомянуто вовсе.

Чиновники рыдали от счастья, восхваляя мудрость государя.

— Великая Ци спасена! Да благословят Небеса Его Величество! Предки хранят нас!

Весть о падении «пса Цзи» мгновенно разлетелась по столице. Никто больше не заботился о

судьбе Третьего принца — в конце концов, кровь не водица, государь наверняка выпустит его из темницы, как только гнев утихнет.

Двор вёл себя как в дешёвом балагане, и никто не находил это странным.

В это же самое время из ворот Шанцзина незаметно выехала карета, направившаяся в сторону Фэньчжоу.

Сидевший внутри путник громко чихнул и подозрительно уставился на Саньси:

— Ты что, в мыслях меня проклинаешь, паршивец?

Слуга заискивающе принялся растирать господину ноги. Цзи Хуайчжэнь фыркнул, высунулся в окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но тут же нырнул обратно. Взяв в руки «Тысячесловие», он с тяжким вздохом принялся разбирать иероглифы, то и дело переспрашивая помощника о значении тех, что посложнее.

Путь от столицы до Фэньчжоу на быстрых конях занял девять дней. Всю дорогу изгнанник только и делал, что ел да спал, а в минуты скуки изводил Саньси. Когда на горизонте показались границы области, он внезапно велел остановить карету и с недоброй усмешкой посмотрел на юношу.

Они стояли в глухом лесу — идеальном месте для того, чтобы избавиться от лишнего свидетеля.

Саньси почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не дожидаясь слов, он рухнул на колени, дрожа всем телом от страха.

Цзи Хуайчжэнь поморщился. Усевшись поудобнее на лежанке, он подпёр подбородок ладонью и кончиком сапога приподнял лицо слуги.

— Знаешь ли ты, почему я назвал тебя Саньси — «Три радости»?

Заливаясь слезами, тот спросил, не потому ли это, что до него были Первый и Второй?

— И да, и нет. Тех, что были до тебя, звали Крик и Скандал. По правде говоря, ты должен был стать Удавкой, но сестра как раз родила А Цюаня. Не хотелось мне такой нелепицей портить праздник.

Он чуть надавил сапогом.

— Это сестра даровала тебе доброе имя. Это она сохранила тебе жизнь. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Саньси принялся истово бить поклоны, выкрикивая, что отныне императрица для него превыше предков.

Цзи Хуайчжэнь наградил его лёгким пинком.

— Олух, зачем ей такой предок, как ты? Проваливай. Ты малый сметливый, возвращайся и служи ей верой и правдой. Если что случится — доложишь. Ты знаешь, как меня найти.

Он небрежно указал рукой на привязанную снаружи лошадь.

Саньси всё понял. Господин не желал брать его в земли ижунов, веля вернуться и охранять императрицу. Просияв, юноша ещё раз поклонился и поспешил скрыться из виду, пока хозяин не передумал.

С уходом слуги Цзи Хуайчжэню стало тоскливо. Теперь даже некому было подсказать значение незнакомого иероглифа.

Впрочем, вести летели быстрее ветра.

Слава о приезде высокого гостя достигла Фэньчжоу раньше него самого. Эти приграничные земли редко видели сановников такого ранга, тем более что господин Лу Шии прибыл как личный посланник императора для переговоров с варварами. Все понимали: на кону судьба страны. Местный глава области лично выехал встречать процессию.

Этот чиновник бывал в столице два года назад и мельком видел Лу Шии у ворот дворца. В памяти запечатлелся статный, благородный облик. Когда гость вышел из кареты, глава области первым делом глянул на пояс. Увидев знакомую нефритовую подвеску, он окончательно убедился: перед ним великий Лу Шии собственной персоной!

В Великой Ци могли не знать Лу Шии в лицо, но его нефрит знали все.

Об этом украшении ходило немало слухов, бравших начало в одной давней и весьма пикантной истории.

Пока чиновники принимали жетон за истину, Цзи Хуайчжэнь преображался на глазах. Куда делись его злоба и надменность? Он больше не смотрел на людей свысока. Его улыбка была подобна весеннему солнцу, а каждое движение — исполнено благородства. Он скопировал повадки Лу Шии столь безупречно, что даже Саньси пришлось бы долго приглядываться, чтобы узнать своего хозяина.

Обменявшись любезностями и проверив подорожные грамоты, глава области предложил гостю место для отдыха.

Цзи Хуайчжэнь выслушал его и с мягкой улыбкой произнёс:

— Я слышал, в этих краях есть заведение под названием Хунсю Тяньсян. Говорят, кухня там отменная.

Глава области опешил. Кухня там и впрямь была неплоха, но славилось заведение вовсе не едой, а своими прелестными юношами.

Никто прежде не слышал, чтобы господин Лу предпочитал мужскую ласку.

Вспомнив слухи о том, что Лу Ши потерял жену и маленького сына, чиновник сочувственно подумал: видать, горе подкосило благородного мужа, раз он решил искать утешения в «чёрном ходе» или, что вероятнее, решил сам предоставить свой «задний двор» в чужое пользование.

Цзи Хуайчжэню было глубоко плевать на репутацию Лу Ши. Он нарочито прозрачно намекал, что желает развлечься с продажными мальчишками.

Поддав изумление, глава области поспешил отправить гонца с распоряжениями. Цзи Хуайчжэнь, ведя за собой толпу местных чиновников, торжественно переступил порог Хунсю Тяньсян, прикрываясь чужим именем как щитом.

Благородные мужи дорожат лицом, а потому не могут сразу наброситься на плоть. Сначала подали яства, и лишь затем — людей.

Более того, правила приличия требовали соблюдения некой дымки притворства: юношей вызвали якобы лишь для того, чтобы те услаждали слух пением и игрой на цине.

Цзи Хуайчжэнь с холодным интересом наблюдал за происходящим.

Двери распахнулись, и в зал один за другим вошли юноши. Все они были обучены искусству обольщения: их походка была исполнена грации, в движениях сквозила девичья нежность, смешанная с мужской статью. Остальные гости замерли, ожидая, пока высокий гость сделает выбор.

Прибывший сановник скользил равнодушным взглядом по лицам, пока не замер.

В самом конце строя стоял юноша, не похожий на остальных. Те стояли расслабленно, стараясь подражать женской томности, этот же твёрдо опирался на обе ноги. Прямая спина, широкие плечи, узкие бёдра — от него веяло какой-то суровой, чистой силой. На вид ему было

не больше семнадцати.

Но прежде всего Цзи Хуайчжэня поразили его глаза.

У юноши были густые брови и пронзительный, ясный взор. Сейчас он хмурился, его взгляд, острый, точно у сокола, лихорадочно искал кого-то в зале. Стоило им встретиться глазами, как юноша замер. Цзи Хуайчжэнь ещё не успел ничего предпринять, а тот уже судорожно вздохнул и поспешно опустил голову. Грудь его тяжело вздымалась — он был явно напуган.

Заметив, как предательски покраснели кончики ушей юноши, Цзи Хуайчжэнь медленно поднялся.

Тот не смел поднять глаз, сосредоточенно изучая сапоги гостя. Вся его храбрость ушла на то, чтобы на миг вскинуть взгляд и посмотреть на пояс подошедшего человека.

Он уставился на нефритовую подвеску, и глаза его подозрительно заблестели.

Цзи Хуайчжэнь подошёл к нему. Остальные мальчишки завистливо переглянулись.

— Как тебя зовут? — спросил Цзи Хуайчжэнь.

Горло юноши дёрнулось. Он сжал кулаки и едва слышно пробормотал два слова.

— Не расслышал. Повтори, — Цзи Хуайчжэнь склонился к нему так близко, что губы юноши почти коснулись его уха. На самом деле он всё прекрасно слышал.

— Янь... Яньчи.

Юноша собрал остатки воли, поднял голову и, глядя в глаза Цзи Хуайчжэню, чётко произнёс своё имя.

— Яньчи...

Имя соскользнуло с губ Тайфу с оттенком интимности, понятной им обоим. Дыхание Яньчи стало совсем тяжёлым.

Цзи Хуайчжэнь снова усмехнулся. Он смотрел на Яньчи и не сомневался: продолжай он в том же духе, и этот паренёк лишится чувств от волнения. Пальцы Яньчи непроизвольно дёрнулись, словно он хотел схватить Цзи Хуайчжэня за руку — порыв, который он едва сдерживал. Казалось, он вот-вот сорвётся и заговорит.

Местные чиновники, наблюдавшие за этой сценой, пребывали в полном недоумении. Они не могли понять, что за игру затеял Лу Шии, и гадали: уж не столичный ли это любовник, за которым тянется шлейф старых долгов? Ряды юношей и вовсе задыхались от злобы — кто бы мог подумать, что этот неуклюжий верзила в первый же день выкинет такой трюк и перехватит самого богатого гостя!

Все присутствующие были уверены: господин Лу, обладая столь странным вкусом, выберет этого строптивого гордеца, не привыкшего ублажать мужчин. Но в следующее мгновение Цзи Хуайчжэнь резко развернулся. Под ошеломлёнными взглядами толпы он небрежно обнял за талию другого, стоявшего рядом изнеженного юношу, и вернулся на своё место.

Избранник просиял и тут же прильнул к господину, демонстрируя крайнюю покорность.

Юноша по имени Яньчи так и остался стоять посреди зала. Он растерянно смотрел в пустоту, медленно опуская руку, которую так и не решился протянуть.

<http://bllate.org/book/15318/1356133>